

КИНО

ЧЕЛОВЕК СО МНОЖЕСТВОМ ЛИЦ

О ФИЛЬМЕ «ПРОХИНДИАДА, ИЛИ БЕГ НА МЕСТЕ»

Фильм «Прохиндиада, или Бег на месте» начинается с того, что герой ищет в ресторане тот именно банкетный зал, где ждут его, Александра Александровича Любомудрова. Саша заглядывает в одну дверь, в другую — все не то, однако понимает это он, а не сидящие за столом. Нет, они как раз с готовностью раскрывают ему свои объятия, приглашая разделить трапезу. Здесь ждали если не его, то подобного.

Наконец он отыскал нужный кабинет, снятый по случаю защиты диссертации, и тихо, застенчиво попросил представить его. Оказалось, что Александр Александрович не научный руководитель, не оппонент, не коллега, что к работе счастливого соискателя он вообще не имеет никакого отношения, однако в совершенстве владеет иной наукой — «наукой дружбы».

Автор сценария А. Гребнев, режиссер В. Трегубович в первые же минуты резко и определенно очерчивают вполне узнаваемую жизненную ситуацию, а также не менее узнаваемого героя, который, казалось бы, чувствует себя в ней как рыба в воде. Его лично здесь мало кто знает, но что за беда? Слышите, как прошелестело, пронеслось над столом: да, да, это он, который... ну в общем, может все... если надо... для друзей. Если попросит друзья...

Когда, с каких пор стало привычно звучать в подобном контексте это благородное, сокровенное слово? Как случилось, что само понятие «уметь дружить» приобрело какой-то двусмысленный, лукавый оттенок? Сплошь и рядом в шумной, разношерстной, случайной компании малознакомые персонажи обращаются один к другому так, как можно обратиться, в сущности, к нескольким людям, всю жизнь отобранным. Если другу надо — ты бросаешь все и ле-

Александр Александрович с таким трудом собирал. То есть, конечно, и поэтому тоже, но не будь этого, что-то другое было бы. Важно, что страх в душе, в том, что было душой, а раз так — случай испугаться представится.

Хотя и любовница Паташа, и жена делают, кажется, все, чтобы ощутил Саша хотя бы краткий покой, жалеют его извечной бабьей жалостью. В роли жены темпераментная, яркая Людмила Гурченко отлично играет блеклость, стертость, усталое равнодушие ко всему, кроме Сашенькиных беспокойств и волнений. Тень человека, который сам — чья-то тень, она непросто силится повторять Сашины интонации, жесты, реакции, и возникает горькая, незащищенная пародия, от которой вдруг сжимается сердце. Подними эту измотанную женщину среди ночи — чай подаст, спать уложит, слова не скажет, а нет, однако, в доме покоя, все разрушает иступленная любомудровская устремленность. Куда? Да, в сущности, никуда — вот что страшно.

Лихорадочность, вздрюченность Сашин и тихая монотонность жены сплетаются, сходятся, давая сочетания драматично нелепые. История женитьбы дочери мало что добавляет к общему ощущению семейного абсурда, и так резкому, острому. История эта, когда в последний момент заменяется жених, чтобы не расстроить размахистой и безликой ресторанной свадьбы, изобретательно разыграна, только нечто подобное на экране уже было. Смотришь — и вспоминаются похожие персонажи, реплики, кадры. Здесь «Прохиндиада» — в проторенной колее, из которой, однако, к финалу вновь решительно выворачивает. О финале, однако, чуть позже, а до этого — о финской бане, о саууне.

тишь на помощь. Кому же, каким продувным бестиям удалось моральнейшее, благороднейшее из человеческих душевных движений обернуть на свой лад, приспособить для проталкивания не по праву, влезания без очереди, получения с «черного» хода? В романе Нодара Думбадзе «Закон вечности» некий крупномасштабный жулик предлагает формулировку, отточенную едва ли не до совершенства: «Что вы называете взяткой?.. Благодарность человеку за проявленное внимание, за оказанную вам помощь? Разве и сегодня мы не руководствуемся моральным кодексом Руставели?.. «Друг не может жить без друга, чтобы сердце не болело, если надобность случится, поспешит на помощь смело». Видите: даже Руставели прибрали к рукам...

«Прохиндиада» — не о жуликах и взяточниках, вернее, в основном не о них. Она о странных, глубоко противостественных, но, увы, порой входящих в привычку взаимоотношениях между вполне нормальными, в сущности, людьми — о тех взаимоотношениях, которые и порождают в итоге взяточничество, жульничество. Отметить, поддержать, порекомендовать... Что ж плохого? Но сколь бываем непростительно — и, быть может, осмысленно — слепы, когда как раз необходимо разглядеть, что кто-то другой по своему умению и таланту больше нашего протеже заслуживает поддержки и рекомендации. И появляются в науке ли, в литературе, в солидных управленческих коридорах — «свои», «наши», за которых надо держаться, и «чужие», которых надо всячески отторгать. Да почему — чужие?! А вот потому... Законы дружбы, товарищества, словно пройдя через руки изощренного иллюзиониста, утрачивают моральное свое содержание и оборачиваются законами стаи, клановой спайки. А слова те же: друг не может без друга...

В фильме «Прохиндиада» живым, во плоти и крови предостережением, словно бы укоризненным олицетворением стыдных слабостей наших предстает его герой, Саша Любомудров. Это очень важно, что не мерзавец, не мразь, не прожженный делая, от которого с легкой душой можно было бы откеститься, дескать, я-то при чем? Нет, разумеется. Гребнев и Трегубович не настаивают на сходстве героя их ленты с сидящими в зале. Что вы, избави бог, но только... только вот если все же — чуть-чуть, самую малость, капельку? Блестящим соавтором этого замысла, этого кинематографического решения становится артист Александр Калыгин.

Его милый Саша, этот всеобщий и ничей друг, ученый с незаконченным высшим образованием, скромный сотрудник НИИ, как никто умеющий сладить, обойти, достать, — самоуверен и нагл. Он виртуозно берет нахрапом, победным вихрем пронисывается через подсобки, приемные, предбанники, он умеет мгновенным напором ошеломить, обезоружить собеседника, сделать его уже в следующую минуту готовым на все. Калыгин не шадит и не сглаживает, но он не хочет маски, не удовлетворяется первым слоем, ему надо взглянуть в своего Сашу, не просто ведь так, не за здорово живешь явившегося на свет. И тут оказывается, что калыгинский герой влечит очень нелегкое, да что там — в высшей степени тяжелое существование.

Любопытно, что большая часть ситуаций, в которых мы застаем Сашу Любомудрова, предназначена для того, чтобы человек мог отдохнуть, расслабиться — в ресторане, в бане, дома. У любовницы в конце концов. Но именно здесь, где не надо выглядеть, казаться, устраивать, где прорывается, не может не прорваться настоящее состояние, тщательно скрываемое героем, — именно здесь глаза калыгинского персонажа начинают отсвечивать каким-то испуганным, едва ли не потусторонним блеском загнанности и страха. Не потому, что в минуту любовницы того и гляди войдет ее мама. И не потому, что неблагодарная образованная дочка взбунтовалась, не стала играть на арфе перед чуть припоздавшей авторитетной комиссией, которую

Она неперменная часть джентльменского набора, и без нее Саше Любомудрову — никуда. Там нужные люди, там можно делать дела. Унылая покорность явственно проскальзывает в интонациях героя, когда разомлевшие от «кайфа» «нужные люди» заталкивают его в парилку, и совершеннейшее уже отчаяние, когда из парилки волокут в снег. Для них восторг, а для него мука мученическая. Ну, не любит он сауны, не хочет в снег, простужается потом, чихает и кашляет. Только ничего не поделаешь — надо. Надо. Логика добровольно избранного жизненного круга ставит условия неперменные, требует соблюдения ритуалов, диктует манеру поведения, способ существования. Раз и навсегда. Но, с отвращением бегая по снегу в одних плавках, Александр Александрович более всего боится наступления того рокового мига, когда его перестанут выгонять на мороз голого. Когда его в сауну не пригласят, исключив тем самым из числа посвященных, предназначенных, избранных. Низвергнув в реальность, не повернувшись с ног на голову. В ту самую ужасную реальность, где если очередь за дефицитом, то придется обойтись без него или стоять; где в оркестры принимают попросту, без затей — тех, кто лучше умеет играть, к примеру, на той же арфе; где в научно-исследовательских институтах людей образованных предпочитают тем, кто высшего образования не закончил, возможно, впрочем, по причинам самым уважительным; где в сауну ходит тот, кому это нравится, а кому не нравится — тот не ходит...

Но Сашиним опасениям сбыться не суждено. Едва дав герою излечиться от жестокой простуды, авторы фильма снова вергают его в пучину радостей «своего круга», заставляют испытать чашу «сладкой жизни» до дна. Думаете, парилка — это все, конец, точка, можно перевести дух? Как бы не так. Дудки! Парилка — что! Парилка — плюнуть и растереть. «Мерседес» — не угодно ли?

И вот он уже стоит возле Сашиного подъезда, мерзкое чудище, красавец из суетных воспаленных снов. В уголовщину ради него пришлось впутаться, это Саше-то, который во всех своих предприятиях был с законом на «вы». Но ничего не поделаешь, затянула центроостерительная сила «круга». Или круг замкнулся, если угодно. Пикантность ситуации, однако, еще и в том, что техника для Сашин — это даже не «вы», это по крайней мере «ваше превосходительство». Неизведанность, недостижимость, высь. Он, похоже, и «Жигули»-то не освоил.

Нет, тут не обойдется. Тут правила игры жесткие. Это как из парилки в снег. Надо. А теперь надо садиться за руль и ехать. На «Мерседесе». И Саша поехал. Ничего другого не оставалось. Он оказался окончательно загнанным в угол. Смешная драма человека, которому попереки горла вся эта «престижность» и «дефицитность», но который отравлен, заражен, и оттого социально опасен, — драма эта достигает здесь своей высшей точки. Затравленность сменяется решимостью отчаяния. Надсадно ревет идеально отрегулированная машина-монстр, издевательски подмигивает многочисленными своими фарами и подфарниками. Потом срывается с места и начинает двигаться какими-то безумными, шарахающимися скачками. Страшный сон? Постылая явь?

...В направлении Улан-Удэ мчится, разбрызгивая лужи, великолепный «Мерседес» без водителя. Автомобиль поглотил Сашу, растворил его в себе, рассосал. Одиозное преследование эфемерных, перекошенных ценностей, тяжкий, тупой бег на месте, бессмысленная гонка без воздуха, съевшие, уничтожившие человека, с готовностью отдавшего себя на съедение, — все это воплотилось в финальных кадрах ленты.

Герой «Прохиндиады» многолик, вездесущ — и его лет. Если только в вас самих не остался его частица.

К. ЩЕРБАКОВ.

● Кадр из фильма.